

В. Х. Гильманов, И. Д. Кошцев

**ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРТЕКСТЫ РЕПОРТАЖА
ИЗ «МЕРТВОГО ЛЕСА» Э. ВИХЕРТА**

48

Анализируется сложная жанровая специфика художественного репортажа из «Мертвого леса» Эрнста Вихерта, написанного им после заключения в лагерь смерти Бухенвальд. Рассматриваются три базовые интертекстуальные связи этого текста – с «Божественной комедией» Данте, «Записками из мертвого дома» Достоевского и «Откровением от Иоанна Богослова». Акцентируется проблема двух дизъюнктивных онтологий, формирующих два фундаментальных культурных кода художественного процесса в Германии и России, отраженных в творчестве Вихерта и Достоевского.

The authors analyse the complex genre specificity of the art report "Der Totenwald", written by Ernst Wiechert after his imprisonment in Buchenwald concentration camp. Three basic intertextual links of this text with Dante's "The Divine Comedy", Dostoevsky's "The House of the Dead" and "Revelation of John" are considered. The authors emphasize the issue of two disjunctive ontologies, forming two fundamental cultural codes of the artistic process in the culture of Germany and Russia.

Ключевые слова: интертекстуальность, жанр, ад, Бог, Откровение.

Keywords: intertextuality, genre, inferno, God, Revelation.

1. Репортаж из Мертвого леса

Шестого мая 1938 г. Эрнста Вихерта, одного из самых читаемых и почитаемых в тот период в Германии писателей и поэтов [7], по приказу нацистского рейхсминистра пропаганды Геббельса арестовывают и после нескольких недель содержания в следственной тюрьме Мюнхена отправляют в лагерь смерти Бухенвальд. В своем дневнике Геббельс, дававший себе отчет о возможном общественном возмущении в связи с арестом популярного писателя, указывает срок, предусмотренный им для перевоспитания Вихерта: «Этот кусок дерьма смеет выступать против государства. Три месяца концентрационного лагеря!» [цит. по: 14, S. 574] (пер. с нем. В. Х. Гильманова). Поводом для ареста стали не романы Вихерта, которые в той или иной мере соответствовали основной иррационально-мистической сути литературного движения «Крови и плоти» (нацисты относились к нему снисходительно), и даже не его

публичные выступления перед молодежью в Мюнхене. На одном из них 16 апреля 1935 г. в Мюнхенском университете он сказал: «Заклинаю вас сегодня, не дайте уговорить себя замолчать, если совесть приказывает вам говорить...» [4, с. 35]. Окончательным поводом стало протестное письмо Вихерта против ареста нацистами лютеранского пастора Мартина Нимёллера, главы оппозиционной режиму Исповедующей церкви (Bekennende Kirche). «Перевоспитание» Вихерта в Бухенвальде чуть было не закончилась для него гибелью, но благодаря помощи других заключенных ему удалось выжить. И 24 августа 1938 г. опального писателя отпускают на волю, доставив его перед освобождением «на аудиенцию к министру пропаганды, который ему объяснит, что его влияние на большое количество людей нежелательно, и если он даст малейший повод, то снова попадет в лагерь, но тогда уже пожизненно и с целью физического уничтожения» [5, с. 143].

Выйдя на свободу, Вихерт написал сложное по жанру произведение под названием «Мертвый лес», в котором попытался не просто описать пережитое в Бухенвальде, но и осмыслить, нередко на грани романтического потока сознания, свой опыт того, что, по его слову, «не смогла бы изобразить ни кисть великого художника, ни игла самого гениального гравировщика, потому что никакая человеческая фантазия, никакое воображение гения даже приблизиться не могло к действительности, которой не было ни в одном веке, никогда» [5, с. 92].

Вихерт, однако, пытается изобразить увиденное и пережитое в тексте, жанровая специфика которого выступает в антиномичном синкретизме художественной автобиографии, репортажа «с петлей на шее», предельной исповеди перед собой и миром, где, по его мнению, «Бог умер» — раз есть фашистский Бухенвальд. Испытывая в адскую муку непосильной работы в каменоломне, протагонист рассказа Йоханнес — так Вихерт решил назвать себя в «Мертвом лесу» — чувствует:

...Внутри него разрасталась ледяная пустота. Он шел, влача свою ношу, молча, не чувствуя собственных страданий, устремив взгляд свой на узкий каменистый путь. Над ним сияло солнце, плыли по небу облака. Но это были не Божье солнце, не Божьи облака. Бог умер. Представление о Нем, тысячелетняя идея, вера в Его власть, Его господство, пусть иногда и жестокое, разрушились так, как у тех проклятых была разрушена картина всей земли. Если милосердие Господа было меньше милосердия человеческого, то все тогда было обманом, фальшивой картиной, намалеванной на пологе детской кроватки [5, с. 99–100].

Эта диатриба узника с красным номером 7188 (красную нашивку носили политические) близка к знаменитому бунту Ивана Карамазова в романе Достоевского. Вихерт не раз обращается к Достоевскому, что отражает не только внешний, но и внутренний план интертекстуального характера его исповеди-исследования. В этой как внешней, так и «внутренней интертекстуальности» [13, с. 9] задействованы два основных прецедентных текста — «Записки из мертвого дома» Достоевского и «Божественная комедия» Данте. Вся архитектоника текстовой органи-

зации мотивирована этими интертекстуальными связями. На уровне композиции Дантов предтекст с наибольшей силой реализован в экспозиции к «Мертвому лесу» — в исповедальном изоморфизме началу «Божественной комедии»: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины» [8, с. 21]. В самом начале «Мертвого леса» читаем:

Йоханнес — таким именем назвался действующий и страдающий герой этого повествования — перешагнул уже первую половину своей жизни, когда ему еще раз, и это на вершине его, казалось бы, обеспеченного, завидного и довольно известного всем существования, многие вещи и мнения этого мира, как и мира потустороннего, стали казаться неопределенными, расплывчатыми, и растущее беспокойство души стало омрачать его дни и ночи [5, с. 37].

Второй из двух решающих композиционную архитектуру интертекстов с навязчивой ясностью представлен в конце повествования, чего не скрывает и сам автор, описывая то, как Йоханнес покидает Бухенвальд = Буковый лес, ставший лесом смерти, Мертвым лесом:

Повсюду ему кивали, украдкой, почти одними глазами. «С Богом! С Богом!!» — кричали штрафники в «Мертвом доме» Достоевского, но здесь кричать «С Богом!» не могли. Бог их покинул и умер [5, с. 144].

Еще раньше Вихерт в своем исповедальном нарративе в репортаже из «Мертвого леса» начинает свой путь к этому выводу с сомнения: «Каждый день он читает псалмы, и даже при этом закрадывается вопрос: не умер ли Господь Бог?» [5, с. 56]. Все заканчивается горьким самопризнанием:

Нет больше никакого Отца в надзвездном мире, никаких золотых облаков. Не Отец там, а братоубийца Каин, с *каменным лицом* (курсив наш. — В.Г., И.К.) забравшийся на мировой трон, чтобы вдыхать запах жертв [5, с. 106].

Но самое поразительное то, что *каменное лицо* узники Бухенвальда увидели и в Йоханнесе, о чем он сам упоминает в собственном репортаже:

«Странный человек, — сказал кто-то в его бараке. — С *каменным лицом* пришел, и теперь, когда уходит, лицо такое же». Да, Йоханнес научился здесь и этому. Это был не тот мир, где считалось бы хорошим тоном, чтобы сердце поднималось до самых глаз [5, с. 143–144].

Этот явно проступающий схематизм творческих решений Вихерта в его репортаже из и после ада — между Данте и Достоевским — отмечен, однако, эсхатологической антитезой: если для Данте и Достоевского опыт ада стал катарсическим поводом для метанойи и обретения истинной веры в Бога, то для узника 7188 — аргументом в пользу самого страшного самодиагноза немецкого духа, означенного Ницше: «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили!» [11, с. 593].

2. Во внутренней эмиграции

Как же понять это признание из сердца того, кто в своей речи перед студентами Мюнхенского университета 6 июля 1933 г. говорил следующее:

Мы были поколением толпы, потому что не знали, что значит быть человеком. Друзья мои, стать человеком кому-то из нашего поколения было очень трудно. На рубеже веков произошло нечто странное. Образованная молодежь западных стран насытилась, не побывав голодной, продав свое первородство за чечевичную похлебку приятного удобства, хотела сохранения такой жизни вместо революций, карьеры вместо прогресса, корректности вместо свободы. И довольно показательно, что единственной революцией среди образованной молодежи было движение «Перелетные птицы» — бегство в прошлое, в природу, походы, шум и звон, в народные песни. Ответвление в жизненную форму, которая была главным образом эстетической, но не религиозной, не социальной, не политической. *Выздоровление, но не воскресение из мертвых* (курсив наш. — В. Г., И. К.) [3, с. 15].

Этот пассаж кодирован великим и смиренным признанием христианской антропологии в том, что для того, чтобы «быть человеком», необходимо «воскресение из мертвых», а не «ответвление в жизненную форму... бегства в природу». Что же происходит с Вихертом после освобождения и аудиенции с Геббельсом, предупредившим его о последствиях в случае, если «он даст малейший повод»?

То, что происходит, стало именоваться в научном литературоведении как «внутренняя эмиграция», дав название и литературному направлению во времена национал-социализма [16]. В этой «внутренней эмиграции» возникли самые противоречивые романы Вихерта — «Простая жизнь» и «Missa sine nomine» = «Месса без имени» [7, с. 280–292]. Эти романы суть не что иное, как бегство от ада времени в иллюзию замкнутой в себе безымянной бесконечности:

Он сумел постичь идею бесконечности и стал достаточно мудр для нее... Нечто большее стояло над всем, нечто непостижимое, а именно то, что есть Единое. Созерцание его делало благочестивым, но для этого благочестия не нужно было ни церкви, ни алтаря, ни изображения, ни уравнения, не нужно было даже имени... (пер. с нем. — В. Г.) [15, S. 398].

Вихерт стремится эмигрировать в «потерянный рай», который у него ближе всего к языческому пантеизму:

То, что теологи презрительно называют «дешевым пантеизмом», может быть, не так дешево, как они думают, — пишет он в своих воспоминаниях «Годы и времена», — и, возможно, под его доступными для понимания дедукциями скрывается древний задел человеческого начала, остаток того прекрасного язычества, которое воспринимало вселенную более глубоко и более скромно, чем это представлено во всех монотеистических религиях;

и что в детском одушевлении природы заключалась более глубокая мудрость и более глубокое благочестие, чем в трезвых результатах микроскопов. Может быть, для меня всю мою жизнь Пан был самым любимым и самым настоящим из всех богов (цит. по: [12, с. 222–223]).

Этот честный пантеизм Вихерта в сложнейших колебаниях между библиоцентризмом и идеалами классического идеализма немецкого просвещения и романтизма симптоматичен для немецкой культуры послевоенного времени.

3. «...Душа моя была темна»

Вихерт часто обращался в своем творчестве к Библии, с которой никогда не расставался. Все его тексты, включая репортаж из «Мертвого леса», пронизаны цитатами из Ветхого и Нового Заветов. Но лютеранская грамматология нередко закрывает от Вихерта главную весть Библии — весть «не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (2Кор. 3: 6). *Каменное лицо* Йоханнеса — это печаль не ради Бога, который, по Вихерту, умер и не спасает. «Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть» (2Кор. 7: 10–11). Всю свою жизнь Вихерт искал спасение от смерти, обращаясь при этом ко всей доступной учености немецкого интеллектуала, включая Библию. Но, будучи талантливым поэтом и писателем, он, судя по всему, остался тем, кого апостол Павел именует «душевым человеком»: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это безумием» (1 Кор. 2: 14). Художественный логос Вихерта — это логос душевной честности, которая, например, побудила «внешнего эмигранта» Томаса Манна в его эссе «Германия и немцы» написать следующее:

...Мне важно дать вам почувствовать таинственную связь немецкого национального характера с демонизмом, связь, которую я познал в результате собственного внутреннего опыта [10, с. 308].

Для «внешнего эмигранта» Манна это был внутренний опыт, для «внутреннего эмигранта» Вихерта — непосредственно внешний в лагере смерти. Эта честность — огромное испытание для великих немцев, которые почувствовали духовно-демоническую подоплеку немецкой трагедии в чудовищной феноменологии фашизма, как, например, Томас Манн в своем романе «Доктор Фаустус». Почувствовал и Вихерт, который 11 ноября 1945 г., выступая в театре Мюнхена с речью «К немецкой молодежи», говорит то, что напугало и отвратило от него большинство немцев: «Антихрист воплотился в немецком фашизме» [1, с. 8]. Но этот эсхатологический пафос, использующий христианскую риторику, на самом деле — отражение какого-то смутного пантеистического синкретизма в душе писателя, попытавшегося взять на себя миссию учителя для немецкой нации, но не в духовном воскрешении во Хри-

сте, а в странном возвращении к романтизированному и смягченному нищестанству в поисках какого-то «нового бога». Симптоматично то, что, по словам Вихерта, обращенным к молодежи, этого «своего бога» надо выкопать:

А вы должны выкопать нечто другое, то, что закопано значительно глубже; из-под обломков антихриста вы должны выкопать своего бога, как бы он у вас ни назывался [6, с. 177].

Симптоматично и то, что рукопись своего репортажа «Мертвый лес», написанную им через год после возвращения из Бухенвальда, Вихерт закопал в своем саду у дома в Вольфратсхаузене близ Мюнхена [2, с. 146]. «Я был болен, когда возвратился, — писал он в воспоминаниях об этом времени, — и душа моя была темна» [1, с. 7].

В своей речи «Поэт и его время» Вихерт говорит:

Между тем прошло время. Молодежь взяла штурмом не все небеса, не все старики отправились в ад, как хотелось бы некоторым. Было написано много книг, много слез пролито украдкой. Но судьба, этот темный и загадочный путь народа, так страстно пролагаемый нашими руками, нашей работой, нашими желаниями, стала все-таки делом не только наших рук, как мы часто самонадеянно думаем. Незаметно правит здесь еще и закон *таинственных сил* (курсив наш. — В.Г., И.К.), который мы (поэты и молодежь) должны принять во внимание [3, с. 25].

Можно ли все же после ада истории XX в. прийти к пониманию того, что скрывает этот «закон таинственных сил»? Сегодня это необходимо, о чем свидетельствует весь исторический опыт, включая опыт художественной литературы. Ведь «тайна беззакония уже в действии» (2Фесс. 2: 7), и Мертвый лес внешней истории есть порождение мертвой тьмы внутри людей. Вот почему России, сумевшей победить фашизм, так важно помнить интертекстуальные антитезы Вихерта и Достоевского после их выхода из испытания адом:

Ну, с Богом! с Богом! — говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но как будто чем-то довольными голосами. Да, — пишет Достоевский в конце «Записок из мертвого дома», — с Богом! Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... [9, с. 702].

Иначе у Вихерта: откровение от Йоханнеса в «Мертвом лесу» — и вправду «введение к великой симфонии смерти» [5, с. 37], о чем Вихерт пишет в предисловии к репортажу из Бухенвальда:

Это сообщение — только введение к великой симфонии смерти, которая когда-нибудь будет написана избранными для этого руками. Я только стоял у ворот, смотрел на темную сцену и записал скорее не то, что видели мои глаза, а то, что видела моя душа... Был вызван мой голос, и он рассказывает. Будут вызваны и расскажут другие голоса, а за ними поднимется великий, потусторонний голос и провозгласит: «Да будет ночь!» [5, с. 37].

Здесь важно указать на еще одну явную интертекстуальную связь репортажа Вихерта, а именно — с последней книгой Нового Завета «Откровением от Иоанна Богослова». Само имя нарратора текста Вихерта недвусмысленно указывает на это — Йоханнес. Концлагерь Бухенвальд в этом тексте есть не что иное, как топос апокалипсиса в том мире, где многие «поклонились зверю» (Откр. 13: 4), подобно тому, как большинство склонились перед зверем фашистского режима в Германии. Вихерт не склонился, уйдя во «внутреннюю эмиграцию». Но в отличие от Иоанна Богослова его Йоханнес, потрясенный тем, как силен «зверь, выходящий из бездны» (Откр. 11: 7), слышит только голос одного из семи ангелов апокалипсиса — того, который возглашает, что «времени уже не будет» (Откр. 10: 7). Иоанн Богослов услышал и других ангелов, и душа его увидела, что «и смерть и ад повержены в озеро огненное... И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» (Откр. 20: 14–15). И еще увидел он «новое небо и новую землю» (Откр. 21: 1) и то, что «отрет Бог всякую слезу с очей» (Откр. 21: 4–5) тех, кто не поклонился зверю. Эрнст Вихерт не поклонился...

Список литературы

1. *Бойтнер Б.* Предисловие / пер. с нем. Л. Натяган // Натяган Л.И. Эрнст Вихерт — поэт сопротивления в Третьем рейхе. Тексты и речи против NS-режима. Калининград, 2017. С. 5–10.
2. *Бойтнер Б.* Репортаж Эрнста Вихерта «Мертвый лес», репортажи свидетелей и документации «Государство СС» Ойгена Когона и «Секретаря врача в Бухенвальде» Вальтера Поллера / пер. с нем. Л. Натяган // Натяган Л.И. Указ. соч. С. 145–156.
3. *Вихерт Э.* Поэт и молодежь / пер. с нем. Л. Натяган // Натяган Л.И. Указ. соч. С. 11–25.
4. *Вихерт Э.* Поэт и его время / пер. с нем. Л. Натяган // Натяган Л.И. Указ. соч. С. 26–35.
5. *Вихерт Э.* Мертвый лес. Репортаж / пер. с нем. Л. Натяган // Натяган Л.И. Указ. соч. С. 36–144.
6. *Вихерт Э.* Речь к немецкой молодежи / пер. с нем. Л. Натяган // Натяган Л.И. Указ. соч. С. 157–182.
7. *Гильманов В.Х.* Эрнст Вихерт: судьба и творчество // Балтийский филологический курьер. 2009. №7. С. 271–290.
8. *Данте А.* Божественная комедия // Божественная комедия. Новая жизнь. Стихотворения, написанные в изгнании. Пир. М., 1998. С. 17–473.
9. *Достоевский Ф.М.* Записки из мертвого дома // Собр. соч. : в 10 т. М., 1956. Т. 3. С. 389–702.
10. *Манн Т.* Германия и немцы // Собр. соч. : в 10 т. М., 1959–1961. Т. 10. С. 303–326.
11. *Ницше Ф.* Веселая наука // Соч. : в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 491–719.
12. *Рикс В.* Страдание и избавление в творчестве Эрнста Вихерта: откровение и путь в другой мир / пер. с нем. Д. Сальковой // Балтийский филологический курьер. 2007. №6. С. 205–224.
13. *Топоров В.Н.* Об одном индивидуальном варианте «автоинтертекстуальности»: случай Пастернака // Пастернаковские чтения. М., 1998. Вып. 2. С. 4–37.
14. *Manthey J.* «Werde kein Städter» (Ernst Wiechert) // Königsberg. Geschichte einer Weltbürgerrepublik. München ; Wien, 2005. S. 568–575.

15. *Wiechert E.* Gesammelte Werke : in 5 Bd. München ; Wien, 1980. Bd. 2 : Das einfache Leben.

16. *Zwischen Innerer Emigration und Exil. Deutschsprachige Schriftsteller 1933–1945 / hrsg. von M. Golaszewki, M. Kardach, L. Krenzlin.* Berlin ; Boston, 2016.

Об авторах

Владимир Хамитович Гильманов – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: VGilmanov@kantiana.ru

Иван Демьянович Копцев – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IKoptsev@kantiana.ru

55

The authors

Dr Vladimir Ch. Gilmanov, Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: VGilmanov@kantiana.ru

Dr Ivan D. Koptsev, Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IKoptsev@kantiana.ru